

Добрые вещички где прячешь, так надежно запрятал, а ну-ка выкладывай, слышишь... Ах ты, смеешь драться!

Не успел этот подполковник договорить, как прямой удар кулаком пришелся ему прямо в глаз, который тут же налился огромным синяком.

Окружавшие его подпевалы, увидев, что их хозяина избили, невероятно озлобились и окружили этого рядового третьего класса, посмеявшегося учинить рукоприкладство на глазах у начальства.

Все разом нападайте! Шваль! — ледяной голос Юнь Фэя прозвучал так, будто обладал некой магией, заставив нескольких зарвавшихся негодяев замереть на месте. Это не было позерством — перед ними стоял самый настоящий, ужасный террорист.

Подполковник в душе тоже испугался, но теперь его глаз опух, и боль заставила его потерять рассудок. Он заорал:

Чего бояться этой дряни! Нас тут пятеро, не поверю, что мы его не завалим! Фас, бейте со всей дури, совсем распоясался какой-то тыловой крысеннок!

Остальные четверо тоже опомнились: и в самом деле, на их стороне целых пять человек, а противник — всего лишь жалкий каптёрка, если слухи разойдутся, со смеху помрешь! Внезапно страх сменился злобой, и они с кулаками бросились на Юнь Фэя.

Юнь Фэй увернулся от удара метившего ему в затылок парня, левым хуком уложил стоявшего перед ним юнца в мундире прапорщика и ударом ноги с разворота со страшной силой отбросил прочь солдата, наступавшего сзади.

Те двое, которых отбросило ударом, почувствовали, будто их грудную клетку переехал танк, дыхание на мгновение остановилось — смерть оказалась так близко!

В сердце Юнь Фэя бушевала ярость, больше он не сдерживался. Он снова взмахнул рукой и сбил с ног еще одного остолбеневшего ублюдка, оставив стоять лишь перепуганного до смерти комбата, после чего холодно бросил:

А теперь твоя очередь, давай!

Нечего тут геройствовать! Ты из какого взвода? Попадись мне только, я тебе покажу...

Бах! — не успел этот тип договорить, как Юнь Фэй прямым ударом вырубил его на месте. Из всей этой компании разве что подполковник обладал силой воина первого уровня, а остальные полагались лишь на грубую силу. Неужели нравы в армии упали так низко?

Стоит заметить, что раньше от занимающего должность комбата неизменно требовалось достичь силы воина второго уровня — лишь так можно было гарантировать боеспособность армии и держать в узде рядовой состав.

Поправив форму, Юнь Фэй невозмутимо вышел наружу. Пора навестить главного виновника.

Кабинет Тэлери располагался в самом сердце казарм. Путь к нему пролегал через восемнадцать электронных контрольных дверей, а в темных углах за проходящими солдатами неустанно следили не менее сотни скрытых часовых. У Юнь Фэя ушло добрых полчаса, чтобы добраться до этой двери.

Возле входа в кабинет красовалась красная кнопка вызова, слепящая и тревожная — ее багровый оттенок заставлял сердце биться чаще. Юнь Фэй знал, что здесь установлено по меньшей мере с десятков миниатюрных объективов наблюдения и находящийся внутри человек давно его заметил. Впрочем, сейчас он носил личину простого рядового, которому не положено уделять особого внимания — именно этого Юнь Фэй и добивался.

Он нажал на звонок. Динь-дон — чистый звук пронесся сквозь массивную дверь и достиг слуха Юнь Фэя. Раньше это была его любимая музыка, ведь за этой дверью сидел тот, кого он звал отцом!

Войдите! — властный голос с легким хриплом донесся из интеркома рядом с кнопкой вызова.

Юнь Фэй уверенно шагнул внутрь.

Этот кабинет был площадью около двадцати квадратных метров. Прямо напротив входа висела огромная картина маслом, и человек на ней был не кто иной, как отец Юнь Фэя — Ли Чунъян. Это полотно подарил Ли Чунъяну его близкий друг на тридцатилетие, и с тех пор оно висело здесь бессменно.

По обе стороны возвышались массивные книжные полки, на которых мирно покоились тяжелые фолианты. На одной из полок также красовались пятьдесят семь искусно выполненных моделей боевых доспехов. К этим пятидесяти семи миниатюрам Юнь Фэй испытывал глубокую, теплую привязанность — он мог назвать имя, особенности, назначение, реальные габариты каждой модели, требования к пилоту меха и наиболее подходящий стиль боя. Всему этому его рука об руку учил отец. Но теперь этот строгий, но бесконечно заботливый отец покинул его навсегда...

Напротив электронной двери стоял массивный конференц-стол в ретро-стиле из мрамора. Сейчас он был завален кучами документов и огромным голографическим экраном, на который можно было выводить изображение с любой из скрытых камер наблюдения.

Плотный мужчина средних лет склонился над бумагами. В профиль волосы этого мужчины казались торчащими во все стороны стальными иголками, а линии щек напоминали

мраморную плиту — твердые и непреклонные. Высокие скулы, широкие губы, сейчас, правда, крепко сжатые, словно он не желал произносить лишнего слова. С самого начала мужчина даже не взглянул на Юнь Фэя.

Дело есть?! — заметив, что Юнь Фэй стоит без движения и тупо пялится на книжные полки по бокам, мужчина процедил с недовольством, и тяжелая, давящая волна разлилась по всему кабинету.

Я хочу спросить генерала: каково наказание за самовольное изменение приказа, обман вышестоящих, подставу верных слуг отечества и предательство? К тому же, в армии царит беспорядок, подчиненные распущены, дисциплины никакой, сплошной разброд и разврат! Как столь ничтожный и бездарный человек смеет занимать столь высокий пост! — холодно отчеканил Юнь Фэй.

Хм... — тело мужчины слегка вздрогнуло. Он наконец оторвался от изучения документов и поднял голову на Юнь Фэя. У Тэлери были пронзительные, как у ястреба, глаза, от него исходила природная аура человека, привыкшего решать судьбы людей на поле боя.

Окинув Юнь Фэя беглым взглядом, Тэлери потрясенно спросил:

Юнь Фэй, разве ты не отправился на задание?! Какого черта ты здесь делаешь?

Ты ведь наверняка не рад меня видеть, но я живучий! Зачем вы меня подставили?! — Юнь Фэй в упор смотрел в глаза собеседнику. Если бы Тэлери предпринял хоть малейшую попытку напасть, он был готов немедленно принять меры. У него было заготовлено несколько план отступления: при любых изменениях обстановки Юнь Фэй не сомневался, что благодаря знанию казарм сможет быстро ускользнуть.

Однако к разочарованию Юнь Фэя, во взгляде Тэлери не было ни тени фальши. Тот совершенно спокойно смотрел на парня и медленно проговорил:

Ты совсем как твой отец — прекрасно зная об опасности, все равно идешь напролом... Эх, а знаешь ли ты, что в этих казармах как минимум целый батальон расквартирован исключительно ради того, чтобы стереть тебя в порошок?

В смысле! — Юнь Фэй почувствовал, что в глазах собеседника нет убийственного намерения, и от этого на душе стало еще тревожнее.

Никакого смысла. Считай, что сегодня мы не виделись. Убирайся отсюда немедленно, смени имя и скройся, иначе позже будет поздно, и я сам тебя не спасу, — вздохнул Тэлери.

Что здесь вообще происходит? Пока толком не объяснишь, живым отсюда не уйдешь! — Юнь Фэй подался вперед, из рукава выскользнул белый костяной нож, выточенный из оставшихся

на кухне животных останков — такое оружие способно было обмануть детекторы электронной двери.

Тэлери скосил глаза на костяной нож в руке Юнь Фэя. Оружие примитивное, но смертоносное лезвие все равно источало зловещий холод.

Молодежи не стоит быть столь горячей. И еще: размахивать железками перед людьми — дурной тон! — мощная волна ци вырвалась из тела Тэлери. Это была истинная аура, закаленная в бесчисленных боях — аура Бога Смерти.

Юнь Фэю на мгновение показалось, будто он оказался в самом центре жестокой сечи бесчисленных армий, где он может лишь безвольно двигаться вперед и назад вместе с людской лавиной, не чувствуя под ногами никакой опоры.

В этом мире смелость не делает непобедимым. Ты и твой отец совершили одну и ту же ошибку. Эх, давай покажу тебе кое-что, может, тогда поймешь, — Тэлери бросил взгляд на настороженного Юнь Фэя, не спеша подошел к мраморному столу и извлек из стопки бумаг самый обычный диск в упаковке — подобные носители редко встречались в свободной продаже.

Тэлери вставил диск в дисковод странной коробочной формы. Юнь Фэй помнил эту вещь из отцовской коллекции — древний плеер из двадцатого века, ставший к нынешнему дню раритетом. В эпоху полной механизации и автоматизации многое успело кануть в лету. Теперь всю рутинную бытовую технику с легкостью заменял один-единственный умный компьютер, к тому же компактный и пригодный для ношения с собой.

Огромный голографический экран задрожал, и на нем появилось лицо мужчины с невероятно притягательной внешностью. Чертами лица он на семь десятых походил на Юнь Фэя — то же волевое выражение, но сейчас во взгляде читалась глубокая, всеобъемлющая отеческая любовь. Вся эта смесь эмоций придавала мужчине совершенно особый шарм.

Юнь Фэй замер в оцепенении, не веря собственным глазам, и срывающимся голосом выдохнул:

Папа...

Человек на голографическом экране был не кто иной, как бывший командующий Четвертой армией Ли Чунъян!

Ли Чунъян был облачен в безупречный темно-зеленый мундиром. Глядя на экран, казалось, будто он стоит прямо перед Юнь Фэем. Его голос, полный завораживающего магнетизма, лился из динамиков комнаты, и каждое произнесенное им слово заставляло мысли Юнь Фэя замирать.

Мой дорогой мальчик, если ты смотришь эту запись, значит, меня уже нет рядом с тобой. Я больше не смогу тебя защищать, отныне все зависит только от тебя. И хотя меня нет рядом, заброшенные тренировки, что я для тебя расписал, ты не смеешь забрасывать...

Полагаю, вице-командующий Тэлери — о, вернее, уже командующий Тэлери — больше не сможет скрывать от тебя правду. Этого я боялся больше всего. Ты еще молод, о многом не задумываешься, и больше всего на свете я страшусь, что по своей опрометчивости ты наломаешь дров...

В этот момент Ли Чунъяна на экране оттеснили в сторону, и в кадре появилась златокудрая красавица. Время словно не властно было над ее совершенными чертами лица — безупречно белая кожа, идеальные пропорции и неуловимое сходство с самим Юнь Фэем на три десятых. Это была Карина!

Фэй-Фэй, смотри не забывай маму! Этот мужлан — твой отец — тот еще увалень, но ты чур ни в коем случае не бери с него пример, а не то девчонки на тебя даже не взглянут, и наш род прервется...

Картинка дернулась: Ли Чунъян схватил Карину в охапку, усадил себе на колени и с горькой усмешкой произнес:

Мы вообще-то прощальное послание сыну записываем, давай посерьезнее! И не болтай ерунды, у нашего сына внешность его отца, думаешь, отбоя от девчонок не будет? Сами толпами вешаться станут, я-то в его годы точно так же... Ой, за ухо-то зачем дергаешь!

Будешь знать, как сыночка дурному учить! Сынок, не слушай его, давай о серьезном...

Ли Чунъян прекратил кривляться и, приняв суровый вид, заговорил вновь:

Юнь Фэй, Государство Хуася ждет великое потрясение! Мы с твоей мамой сделали всё, что было в наших силах, но предотвратить это не смогли. Они собираются поставить на кон жизни ста миллиардов людей по всему миру — безумная, безумная ставка. И если они проиграют, человечество покатится в бездну, откуда нет возврата. У нас нет права на ошибку... — Ли Чунъян замолчал и тяжело вздохнул.

<http://bllate.org/book/22019/2289258>